

Михаил КОСАРЕВ

О КАНОНЕ, КОНТЕКСТЕ И СПИСКЕ ВЕЛИКИХ

Литературный фельетон

Варфоломей Зайцев в XIX веке, в разгар журнальной полемики, вел в «Русском слове» свой знаменитый обзор «Перлы и алмазы русской журналистики». Остроумные гудковцы 1920-х, правда для внутреннего пользования, выпускали стенгазету «Сопли и вопли», куда помещали газетные ляпы и вообще примеры того, как писать нельзя. Это совершенно естественное желание для людей, которые по долгу службы каждый день обязаны «над вымыслом слезами обливаться».

Искренний, непосредственный ляп способен доставить эстетическое удовольствие. Но чаще всего работникам издательского фронта лень создавать подборки и коллекции. Сколько замечательных фраз бескорыстно порадовали меня за долгие годы в профессии, а запомнилась всего одна, за авторством биатлонного комментатора Д. Губерниева: «Бьёрндален — исконный демиург этих мест!»

Однако совсем недавно пришлось наткнуться на текст, из которого и не надо делать выписок. Он целиком представляет собой один большой ляп. Его фактура практически гомогенна и не нарушена ни единым осмысленным выражением. Обнародовал это творение петербургский альманах «Невский проспект». Издание новое, пока мало кому известное. Главная его особенность — огромный объем (45 печатных листов). Чтоб стало понятнее: в одном номере можно целиком поместить «Преступление и наказание», «Отцы и дети» и еще останется немало места порезвиться, например, в разделе «Эссеистика». Такой подход можно только приветствовать, тем более что он подразумевает отсутствие редакторской правки и автор приходит к нам «как есть», без ретуши.

Итак, в № 12 помещена статья (названная в тексте также докладом) сибиряка, барнаульца Ивана Образцова «Социальная диагностика в историческом контексте. О связи творчества Вячеслава Шишкова с направлениями современной прозы». Заглавие, как видим, академическое. С таким можно заявляться на любую филологическую конференцию. Хотя Иван Образцов — не научный работник, а прозаик, поэт, критик, словом, писатель широкого профиля.

Отметим и другое: совсем недавно, в конце 2023 года, отмечалось 150-летие Вячеслава Яковлевича Шишкова. Безусловно, именно юбилей создателя «Угрюм-реки» послужил поводом к написанию вышеназванной работы. Что ж, дело благое, надо помнить своих великих. Вот как это получается у И. Образцова:

Будучи автором и непосредственно понимая те личные авторские мысли и вопросы, которые заложены в моих произведениях, сейчас хотелось бы из соображений литературоведческих и даже литературоцентричных проследить художественную связь некоторых авторских способов письма от конца XIX века до наших дней через ту художественную традицию, к которой, на мой взгляд, относится и творчество Вячеслава Шишкова, и мои прозаические произведения в форме «малый роман». Проследить общие контуры такой связи необходимо, прежде всего, по причине фиксации реалий в современных направлениях русской художественной прозы, которая, пройдя ряд этапов естественного развития, выражает сегодня актуальную картину мира.

Прерывать пассаж не хотелось — до того все в нем замечательно. Но существует все же естественный лимит на цитирование, поэтому просто поверьте на слово: дальше всё так же. Хочется перечитать, протереть очки, еще раз попытаться вникнуть, задать простой вопрос профессора Преображенского: простите, кто на ком стоял?

Нет, вы можете, конечно, найти в сети альманах «Невский проспект». Но тем только усложните свою задачу в несколько раз. Почина ради попробуйте разобраться хотя бы в приведенном выше неполном абзаце. Для начала вам придется закрыть глаза на хрестоматийно корявую конструкцию, выпирающую из первых строк. «Учат в классе это, кажется, в шестом» — вспоминается строчка пародиста Александра Иванова. Кстати, позже в тексте встретится «антогонист». Но ладно, этим пренебречь: дела корректорские... Затем вас напрягут «мысли и вопросы», которые автор вложил в свои произведения и которые он, оказывается, понимает. Видимо, большое достижение для автора. Запомните это и дальше не удивляйтесь. Ничему. «Литературоцентричным соображениям», «авторским способам письма» — даже не пытайтесь предположить, что это такое. Потом вам сообщат, что «в современных направлениях русской художественной прозы» (каждое второе слово лишнее) — произошла загадочная «фиксация реалий», и по этой причине необходимо что-то там проследить.

Боюсь, что даже смысл названия работы «о Шишкове» останется для вас непостижим. Автор, конечно, объясняет:

Диагностика, имея в своей основе аналитический способ выявления симптомов, в случае обращения к социальным вопросам с помощью художественной литературы становится своеобразной формой пророчества. Именно такой способ взаимодействия с массивами языка, его диалектными особенностями и потенциальной будущностью литературно-духовного канона характерен в целом для творчества Вячеслава Шишкова...

Но много ли удастся понять? Видимо, с тем, кто умеет взаимодействовать с потенциальной будущностью канона, мы играем в разных лигах.

Кому-то покажется, что Иван Образцов просто увлекся задачей написать «научно». Об этом говорит и наличие «академических»

слов-маркеров: «парадигма», «дискурс», «практики». Еще чаще употребляется канцеляризм «данный». Конечно, нечитабельности это тексту прибавляет. Но от продукции научного конвейера разбираемая нами статья отличается принципиально, до полной противоположности.

Труды узких специалистов-филологов скорее напоминают, используя выражения кота Бегемота, «вереницу плотно упакованных силлогизмов»: все слова на своих местах, употреблены в точных значениях, тезисы, аргументы, выводы находятся в четкой взаимосвязи. А общий смысл теряется. У Образцова же наоборот: множество не столько непонятных, сколько не понятых автором слов на живую нитку соединены в шаткие конструкции, от которых буквально кругом голова, — а смысл-то вполне ясен. Прimitивен донельзя, но — ясен, как дважды два. Уже в первом абзаце он заявлен (см. выше) и в дальнейшем повторен не раз: Иван Образцов продолжает собой ряд великих русских писателей. Для начала он сопоставлен с Шишковым. Потом уже и Достоевский с Шолоховым оказываются его собратьями:

Это важное уточнение, которое позволяет провести линию традиции, когда можно выстроить такой обобщающий ряд романов в хронологическую линейку, где «Угрюм-река» соотносится с романами «Братья Карамазовы» Достоевского, «Чураевы» Гребенщикова, «Тихий Дон» Шолохова и «Любавины» Шукшина. В новейшее время такую связь можно обнаружить в произведениях Юрия Мамлеева «Шатуны», «Другой» и Владимира Маканина «Голоса», «Отдушина», «Кавказский пленник», принявших крайнюю форму выражения в «малых романах» автора данной статьи «Краугольный кирпич», «Нисхождение», «Кенотаф», «Тварь».

Слова могут быть разными, и собственно смысл их действительно неважен. Духовность, социальность, традиция, абстрактно прослеживаемая «связь» — все годится, когда требуется единственное: включить Ивана Образцова в почетный ряд.

Особенный цинизм этой навязчивой саморекламе сообщает то, что сочинена она в виде статьи, приуроченной к дате — дню рождения известного и любимого писателя. Представьте себе следующую картину: на праздновании юбилея уважаемого человека очередь произнести тост доходит наконец до одного из молодых приглашенных. И он говорит: «Дорогой ты наш! Ты такой талантливый! Только я не менее талантливый! А учитывая потенциальную будущность литературно-духовного канона, даже более! Ты никогда не превзойдешь меня по крайней мере в двух вещах — в молодости и невежестве! Я...» Тут терпение присутствующих иссякает, на тостующего наваливаются несколько крепких гостей и уводят в холодную.

А вот бумага терпит.

Подозреваю, что если привлекший наше внимание опус назван еще и докладом, то он был где-то зачитан. Интеллигентная публика сначала не верила своим ушам, потом деликатно отводила глаза от оккупировавшего кафедру автора своих авторских произведений. Да, времена...

И. Образцов не раз упоминал о своем духовном (семинария) образовании. Не знаю, как это принято в современной православии, но мне кажется, что местные иерархи вполне могут наобуянного гордыней эссеиста епитимью. Например, такую: написать двадцать статей о писателях и при этом ни разу не упомянуть себя. Справится? Вряд ли.